7. На 9 мая в РФ «Бессмертный полк» пройдется со Сталиным на палке // Деловая столица. 2019. 28 апр. – Режим доступа: https://www.dsnews.ua/world/na-9-maya-v-rf-bessmertnyy-polk-proydetsya-so-stalinym-na-28042019165000 (дата обращения: 12.03.2024).

8. Украина отдалилась от «победобесия», Порошенко (видео) // Деловая столица. 2019. 8 мая. – Режим доступа: https://www.dsnews.ua/politics/ukraina-otdalilas-ot-pobedobesiya---poroshenko-video--08052019231700 (дата обращения: 12.03.2024).

9. Юрий Левитан: 50 лет у микрофона / Сост. В. М. Возчиков. – М. : Искусство, 1987. – С. 41–42.

10. *Горинов М. М.* Зоя Космодемьянская // Отечественная история. – 2003. – № 1. – С. 82.

11. Церемония вручения государственных наград // Официальный сайт Президента РФ. 2023. 23 мая. – Режим доступа: http://prezident.org/tekst/stenogramma-ceremonii-vruchenija-gosudarstvennyh-nagrad-23-05-2023.html (дата обращения: 12.03.2024).

12. В Институте нацпамяти Украины рассказали о «креативной декоммунизации» // РИА Новости. 2020. 1 фев. – Режим доступа: https://ria.ru/20200201/1564150984.html (дата обращения: 12.03.2024).

13. Калининградский дизайнер о символе 75-летия Победы: виден Drang nach Osten // EurAsia Daily. 2019. 6. Окт. – Режим доступа: https://eadaily.com/ru/news/2019/10/06/kaliningradskiy-dizayner-o-simvole-75-letiya-pobedy-viden-drang-nach-osten (дата обращения: 12.03.2024).

14. *Каверина Е. А.* Создание событий в современном социокультурном пространстве: Автореф. дис. … д-ра филос. наук. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 7–8.

15. *Шкуратов В. А.* Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира. – Ростов-на-Дону : Наррадигма, 2006.

16. Министр обороны Латвии жалуется на «совковое» мышление сограждан // РИА Новости. 2013. 19 ноября. – Режим доступа: https://ria.ru/20131119/978028851.html?in=t (дата обращения: 12.03.2024).

17. При сносе мемориала в Латвии вскрыли могилу советских офицеров // Ren.TV. 2022. 18 июня. – Режим доступа: https://ren.tv/news/v-mire/989579-v-latvii-pri-snose-memoriala-vskryli-mogilu-sovetskikh-ofitserov (дата обращения: 12.03.2024).

Информация об авторе

В.В. Кафтан – заместитель заведующего кафедрой массовых коммуникаций и медиабизнеса по научной работе Финансового университета при Правительстве РФ

Статья поступила в редакцию 30.03.2024 : одобрена после рецензирования 16.05.2024 : принята к публикации 15.06.2024.

Научная статья
УДК 101.1:316

Военный академический журнал. 2024. № 2 (42).
Military Academic Journal. 2024:(2). ISSN 2311-6668

РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Марина Александровна Савушкина[1]

[1]Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Россия

Marina A. Savushkina[1]

[1]Mikhailovskaya Military Artillery Academy, St. Petersburg, Russia

✉ Марина Александровна Савушкина, kr_m@mail.ru

Corresponding author: Marina A. Savushkina, kr_m@mail.ru

Аннотация. Проблема гибридной войны как формы асимметричного военно-политического противостояния довольно широко концептуализирована в современных социально-философских исследованиях. Автор данной статьи фокусирует внимание на том, как гибридная война опосредована цифровизацией и предпринимает попытку ввести в научный оборот

© Савушкина М.А., 2024

аутентичный термин «цифровая гибридная война», предназначенный для описания её специфичного инструментария, реализуемого в современном цифровом бытии и культуре. В статье на основе методологии изучения цифровой религиозности, предложенной Х. Кэмпбелл, исследуется религиозное измерение цифровой гибридной войны и описываются особенности цифровых религиозных протестов в русскоязычном сегменте интернета в рамках буддизма, ислама, православия. В контексте специальной военной операции фиксируются направления возможных действий противника в цифровой гибридной войне, а именно: опасность дестабилизации социальной обстановки в России за счет попыток «форматировать» ценности традиционной православной культуры и эскалации социальной напряженности в Беларуси через цифровой католический протест. Ответом на интенсификацию применения религиозного фактора в цифровой гибридной войне, по мнению автора статьи, может стать последовательная деятельность официальных представителей духовенства по информационно-цифровому просвещению и образованию религиозных пользователей.

Ключевые слова: гибридная война, цифровая гибридная война, цифровое бытие, цифровая религия, цифровое общество, цифровой религиозный протест, цифровой индивид, цифровой двойник, гипермедиация, симулякризация.

Специальная военная операция актуализировала проблему необходимости проведения современных социально-философских исследований цифрового общества и цифровой культуры с целью формирования комплекса мер по когнитивно-психологическому сопротивлению социокультурной агрессии коллективного Запада, осуществляемой методами гибридной войны. Цифровизация культуры и бытия современного человека привела к целому ряду трансформаций глубинного, онтологического характера. Можно утверждать, что переход от аналоговых способов трансляции информации к цифровым кардинально изменил бытие человека, восприятие им пространственно-временного континуума, а также реализуемые в обществе формы социализации индивида. Перенесенные в цифровое пространство интернета ритуалы и традиции преобразовали в итоге человеческую экзистенцию как таковую. Современный человек живет в новой форме бытия – *бытия цифрового*, требующего философского осмысления и концептуализации.

В рамках цифрового бытия произошли сущностные изменения в классических формах мировоззрения: благодаря интернету и социальным сетям появилась возможность «сжимать» время и элиминировать традиционные пространственные ограничения, осуществляя при этом глобальную коммуникацию с одномоментным участием бесчисленного числа цифровых индивидов. Это привело к обновлению содержания и формы мифологии, науки и религии. Цифровое бытие также породило новые виды военно-политического противоборства между государствами, глобально расширив их классический инструментарий и изменив соотношение между конвенциальными и не конвенциальными методами военных конфликтов.

Теория гибридной войны как формы противостояния государств в символическом пространстве культуры, менталитета, мировоззренческих установок, психологического здоровья, искусства и образования приобрела особую популярность в современных военно-философских исследованиях и уже довольно разнопланово осмыслена во множестве научных работ. Несмотря на то, что термин «гибридная война» впервые публично был использован лишь осенью 2005 г. американским генералом Дж. Мэттисом в докладе на конференции по обороне, проведенной Институтом ВМС США и Ассоциацией Корпуса морской пехоты США [1, с. 11], её проявления могут быть зафиксированы при анализе любого военного конфликта в истории человечества. А. Шагов, проведя исторический ретроспективный анализ войн, начиная с Пелопонесской войны (431–404 гг. до н. э.) по наши дни, приходит к выводу, что «любая продуманная и хорошо подготовленная война по определению изначально являлась гибридной» [2, с. 191]. Во все времена помимо прямого использования оружия как решающего политического аргумента противники пытались ослабить экономическую и политическую мощь друг друга путём

расширения конфликта в культурную, психологическую, информационную мировоззренческую и религиозную плоскости. Суть феномена гибридной войны ясно формулирует крылатое выражение времен античности: *«Хочешь победить врага – воспитай его сына!»*.

Цифровизация расширила число методов гибридной войны, фактически сделав её потенциал безграничным. Гибридная война в цифровом бытии приобрела масштабы, несопоставимые с аналогами предыдущих исторических периодов развития человечества. Само бытие современного человека – это *бытие-в-гибридной-войне*, подчас неосознаваемое и нерефлексируемое. Поэтому полагаем, что классическое понятие «гибридная война» недостаточно раскрывает особенности современного цифрового бытия и со сложными онтологическими, социальными, аксиологическими, теологическими, этическими особенностями современного общества может коррелировать новое понятие – *«цифровая гибридная война»*.

Главной характеристикой нового цифрового порядка, в который включен современный человек, является «перенос» традиционных культурных практик и жизненных стратегий в символическое пространство интернета. В современной культуре оцифровывается буквально все: этапы человеческой жизни от рождения до смерти, чувства и эмоции человека, формы его социальных взаимодействий (от отношений в семье до взаимодействия с государством). Цифровое бытие переводит интимное материальное в разряд *коммуникативного символического*. Это приводит к возможности внешней манипуляции и неосознанного вовлечения человека, который постепенно становится *«цифровым человеком»*, в цифровую гибридную войну.

Обозначенное цифровое преломление феномена гибридной войны как имманентно присущее современному цифровому бытию в перспективе требует отдельного философского анализа. В настоящей статье его область ограничивается религиозным измерением и ставится задача проанализировать изменения, которые произошли в религиозных практиках человечества под влиянием цифровизации, что и вовлекло цифровую религию в цифровую гибридную войну.

Религия – самая устойчивая к изменениям форма мировоззрения. Процесс включения религиозных организаций в интернет-коммуникацию происходил достаточно медленно даже в тот период, когда интернет успешно завоевывал остальные сферы культуры и жизни человечества. Эскалация перевода традиционных культов в онлайн-форму была спровоцирована пандемией Covid-19, по истечении которой в религиозном сознании верующих нормализировалась допустимость осуществления сакральных религиозных культов в цифровом пространстве. При этом обострилось противоречие между тем, что, с одной стороны, цифровизация религии позволяет религиозным организациям более успешно осуществлять миссионерство и организовывать менеджмент, а с другой – возникает опасность того, что «цифровые технологии способны подменять ценностно-духовные ориентиры» [3, с. 217].

Цифровой поворот во многовековом функционировании религии как социального института привел к «переформатированию» жесткой властной иерархии церквей: благодаря интернету и социальным сетям возникла возможность для широкого круга духовенства и верующих транслировать религиозные воззрения, трактовки, суждения и интерпретировать религиозные тексты. При этом стали активно распространятся расходящиеся с классическим толкованием квазирелигиозные идеи. В качестве тенденций процесса цифровизации можно отметить трансформацию чувства сопричастности верующего с другими верующими в реальности и нивелирование значимости коммуникации с материальными объектами – храмами, предметами религиозного культа и любыми другими предметными носителями сакральной религиозности.

Цифровая религиозность имеет масштабный потенциал для использования в качестве инструментария в цифровой гибридной войне, поскольку религиозность как таковая всегда связана как с символическим культурным полем, так и со сложно структурированным психологическим переживанием человеком набора чувств благоговения, преданности, оскорбления своей веры, готовности к самопожертвованию, удовольствия, исступления и экстаза. Все эти переживания являются благодатной

почвой для внешней манипуляции религиозной искренностью с целью использовать *«цифровую паству»* одной страны во вполне конкретных военно-политических интересах другой страны. В этом контексте очевидно, что довольное быстрое распространение на Украине идеи необходимости отделения от РПЦ и широкий переход именно молодежи в экстремистскую антироссийскую ПЦУ стали возможными в результате информационных операций в социальных сетях и мессенджерах.

Социально-философская концептуализация изменений, происходящих с религией как социокультурным институтом под воздействием новых медиа и цифровой среды осуществлена профессором Техасского университета Х. Кэмпбелл, которая является автором целого ряда монографий и научных статей, посвященных цифровой религии как уникальному феномену современной культуры [4]. Она разработала широко применяемую в современных исследованиях цифровой религиозности RSST-методологию («Религиозно-социальное формирование технологии»), суть которой в том, что процесс взаимосвязи религиозных групп и цифровых технологий рассматривается как сугубо диалектический, предполагающий взаимосвязь и взаимовлияние. В «цифровом религиоведении» на основе работ Кэмпбелл традиционно анализируется цифровое преломление религиозных традиций, убеждений, построений сообществ в сети и дискурсивных особенностей «цифровых верующих».

Несмотря на то, что вплоть до пандемии 2020 г. религия в сравнении с наукой и образованием «оцифровывалась» довольно медленно, в настоящее время этот процесс активно интенсифицируется и можно констатировать, что в современной культуре происходит масштабная конвергенция «религиозного» и «цифрового» [5]. Верующие адаптировались к необходимости осуществлять религиозные практики онлайн, в результате чего количество современных цифровых часовен, цифровых «храмов» и интернет-площадок, предоставляющих возможность исповеди, консультации, беседы со священниками – не поддается подсчёту. В культуре происходит перенос сложного сакрального взаимодействия со сверхъестественным в интернете, и уже ясно видны изменения, влияющие на человечество в эпоху цифрового бытия.

«Оцифрованная религиозность» только в восприятии верующего пользователя воспринимается копией реальности; на самом же деле цифровое бытие преломляет реальное, создавая при этом э*мерджентный эффект* – порождение новых смыслов, трактовок, символов и образов. Они в свою очередь также формируют ещё более новые установки, влияя тем самым на поведение религиозного «цифрового индивида» в реальном социуме.

Цифровое пространство в слиянии с религиозным содержанием функционирует на основе *транс-территориальности* и *деиерархичности*: верующий зачастую лишается возможности верифицировать получаемую им информацию с изначальными религиозными постулатами и священными текстами, поскольку цифровизация способствует появлению безграничного множества источников и агентов религиозного влияния. Как верно замечает Э. Нимяев, «интернет, будучи основным способом коммуникации в современном мире, приобретает самостоятельное смыслогенерирующее значение» [6, с. 225].

Традиционная иерархичная вертикаль религиозной социальной структуры заменяется горизонтальным взаимодействием без субординационных ограничений, а недопустимость свободной трактовки священных текстов преодолевается множественными дополнениями и комментариями. Если в гибридной войне до-цифрового общества для реализации замыслов по ослаблению противника через провокацию религиозных волнений, движений и протестов на его территории требовалось длительное время по «вербовке» или «формированию» лидеров протестных движений, то в цифровом обществе генерирование и дальнейшее управление религиозными протестами происходит в кратчайшие сроки.

Дискурсивный анализ семантических особенностей осуществления современными пользователями интернета религиозных практик позволяет сделать вывод, что цифровая среда является благоприятной почвой для радикализации религиозных сообществ, поскольку предоставляет возможность быстро выстроить коммуникацию и солидаризироваться верующим, недо-

вольным официальной церковной иерархией или имеющим напряженные отношения внутри церковных общин в оффлайн-бытии [7]. Семантика коммуникации в онлайн-сообществах характеризуется более высокой степенью выражаемой агрессии и негатива в сравнении с конфликтной ситуацией по тем же вопросам в реальном измерении. Подобные «цифровые раскольники», обсуждающие сенситивные для себя вопросы и мнения в отношении лидеров религиозных организаций или вступающие в пространные теологические интернет-споры с официальной церковью, с легкостью становятся «добычей» для программ анализа данных, которые отслеживают дискурсы и языковые контексты. Это дает возможность в дальнейшем через *«ячейки цифровых партизан»* формировать волны недовольства в социуме, переводя накопившуюся цифровую агрессию в реальную жизнь.

Исследовательница современных цифровых религиозных практик Дж. Эволви отмечает, что онтологической особенностью процесса цифровизации религиозности современного человека является максимальная символизация материальных сакральных религиозных предметов в их цифровых образах, а также трансформация пространства, в котором осуществляются религиозные практики. Отправной точкой в формировании нового цифрового порядка в религиозной сфере, по мнению Дж. Эволви, стала пандемия Covid-19, в частности, проповедь Папы Франциска на площади Св. Петра 27 марта 2020 г. когда было дано особое благословение «Urbi et Orbi» на молитву за окончание пандемии верующими в цифровом формате [8, с. 12]. В этот день католицизм окончательно легитимировал возможность участия верующих в деле Церкви в качестве *«цифровых двойников»* через интернет-подключение. Материальность сакрального ритуала была растворена в символическом пространстве цифровой среды. В акте молитвы между Богом, Папой и массами верующим незримо участвовали материальные посредники – цифровые технологии. Папа был явлен верующим только лишь через свое изображение, что породило философские вопросы: как влияет цифровое посредничество на религиозные сообщества, идентичности и властные отношения? Как люди ощущают сакральность ритуала с помощью цифровых технологий? Как возможно осмыслить религиозное в его связи с интернетом?

Преломляя эти вопросы в контексте того, что религия в мировой истории человечества всегда была включена в контекст военно-политического противостояния между государствами, мы предлагаем поставить вопрос и о том, как современная цифровая религиозность используется в современной гибридной войне.

Интернет вовлекает верующего человека «в третье пространство»: цифровая площадка участвует в религиозной практике цифрового индивида как дополнительный посредник, неосознаваемый в качестве действующего лица самим верующим, но имеющий вполне материальное воплощение и ресурсы для возможного контроля «третьей стороной» процесса религиозного посредничества между онлайн- и офлайн-средами.

Процесс взаимодействия человека и Бога, происходящий через контакт с экраном смартфона, ноутбука или любого другого гаджета, только на первый взгляд кажется таким же интимным как молитва в одиночестве или религиозные размышления верующего, который находится один в замкнутом пространстве дома или комнаты. Гаджет может представляться просто «проводником», не нарушающим одиночества. На самом деле, цифровая коммуникация в любом виде всегда предполагает *гипер-опосредованность* не только через микросхемы и полупроводники, но и через подключение к процессу множества дополнительных участников: программ, приложений, алгоритмов, системных продуктов по отслеживанию, провайдеров, прокси-серверов. «Одинокий путник» в цифровом пространстве интернета по факту никогда не бывает одинок.

Человек, реализующий в интернете сакральные религиозные ритуалы, попадает в сложное контекстуальное поле множественных пересечений символизации, свойственной традиционной религиозности и симулякризации как имманентного качества интернет-среды. При переносе религиозного в цифровое происходит *гипермедиация* – усиление эмоциональных реакций в результате контакта с цифрой и возникновение в сознании верующего дополнитель-

ных задач по дешифровке знаков и символов. Усиленные в результате экранного контакта эмоции и аффекты, подпитанные изначальными религиозными убеждениями, требуют выхода и провоцируют социальные действия в реальности, производя вполне конкретные социальные изменения.

Дж. Эволви приводит пример, когда 13–14 ноября 2015 г. хэштег #NousSomesUnis («Мы едины»), распространяемый французскими мусульманами, за очень короткий срок объединил протестующих и позволил перевести религиозный протест из пространства интернета на улицы, что вызвало массовые беспорядки и демонстрации [8, с. 18]. Хэштег, с одной стороны, является всего лишь знаком, единицей интернет-коммуникации, с другой – позволяет максимально осуществить гипермедиацию, реализуя при этом функцию консолидации и предлагая людям возможность договариваться и менять реальное социальное пространство за пределами экрана. Если в доцифровую эпоху в организации религиозных протестов консолидирующую роль играла фигура религиозного лидера, а их развертывание было пролонгировано во времени, то в цифровой культуре *хэштеги, мемы, вирусные гифки* распространяются моментально бесчисленному количеству пользователей, что позволяет «наслаивать смыслы» и в считанные часы провоцировать реальные протесты и столкновения.

Протестная активность на основе религиозных убеждений всегда была частью гибридной войны, но именно цифровизация придает религиозному экстремизму масштабность. Как отмечают авторы социологического исследования тенденций цифровой религиозной протестной активности, проведенного в России в июле − сентябре 2020 г., «в основе протестной цифровой активности лежит маргинальная религиозная идентичность, которая не затрагивает нормативно-конфессионального дискурса, а формируется в рамках политического, мифологического, идеологического дискурсов» [9, с. 110].

На основе анализа эмпирического массива социологами были сделаны следующие выводы: в цифровом протесте практически не участвуют представители иудаизма и буддизма, что объясняется особенностью религиозной догматики этих вероисповеданий; «в официальных цифровых интернет-сетях обсуждение конфессиональных вопросов ислама носит весьма мирный дискуссионный характер. В случае формирования более активной протестной активности, протестный мусульманский дискурс переходит в экстремистскую ксенофобскую риторику и блокируется или самими модераторами исламских цифровых порталов и продолжает развиваться в закрытых телеграмм-каналах» [8, с. 110].

Анализ контента христианских православных блогов, интернет-платформ, медиаресурсов в социальных сетях показывает, что для них характерно слабое цензурирование комментаторской активности и то, что лидерами православных интернет-мнений не становятся те священники, которые занимают высокое положение в церковной иерархии. Интернет-популярность, как правило, приобретают те интернет-проповедники, кто либо открыто выступает против официальной православной церкви, либо имеет маргинальное положение среди реального, не включенного в цифровое служение, духовенства. Особенно настораживающим в контексте проводимой специальной военной операции представляется вывод исследователей о том, что «атеистический и антиклерикальный протест направлен в сетевом информационном пространства в основном против православной церкви Московского патриархата, намного реже против католичества (13,5 % от общего количества публикаций) и совсем не затрагивает ислам, буддизм, индуизм, христианские протестантские конфессии. Антиклерикальный протест специально направлен против одной конфессии, считающейся базовой скрепой российской цивилизации» [9, с. 113].

Очевидно, что в период СВО цифровой религиозный протест в России использует цифровой агентурой в религиозных сообществах для того, чтобы спровоцировать социальную напряженность и переформатировать цифровую его форму в реальную. Главной же особенностью участия цифровых протестных движений в цифровой гибридной войне является их активное включение в поле политических и социально-экономических дискурсов. Даже поверхностный контент-анализ современных цифровых религиозных сообществ Беларуси

демонстрирует, что в качестве доминирующего выступает католический цифровой протест, ориентированный как против официального руководства республики, так и против российского православия, негативно противопоставленного в интернет-дискурсе украинскому раскольничеству. Это соответствует стратегии *прокси-войны* коллективного Запада, пытающегося спровоцировать в Беларуси ту же протестную активность, которая уже позволила сделать Украину прокси-агентом в гибридной войне против российской государственности и культуры [10].

Цифровизация религии в современной культуре – необратимый процесс. Цифровое бытие постепенно занимает авангардную позицию по отношению к казавшимся незыблемыми в классической онтологии формам бытия. Мир находится в состоянии масштабного цивилизационного конфликта ценностей, менталитетов и культур, провоцируемого методами цифровой гибридной войны. Существует *угроза использования противником религиозного фактора в цифровом противостоянии* с целью уничтожения субъектности российской культуры и интернет-форматирования традиционного православия. В этом контексте возрастает необходимость более широкого и активного цифрового образования и просвещения религиозных интернет-пользователей со стороны представителей официальной церкви.

Активизация маргинальных цифровых сообществ ставит задачу философского осмысления и правового регулирования их деятельности и определения конкретных признаков, позволяющих маркировать «цифровые секты», которые представляют психологическую и социальную опасность для российского общества. Глобальная цифровая гибридная война настолько интенсифицируется, что существует реальная опасность мировой войны. Цифровое бытие, осуществившее трансгрессивный прорыв во всех сферах культуры, требует в целях самосохранения человечества скорейшего обретения им гармонии в соотношении значимости материально-предметного мира и образно-символического пространства цифры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Кривко М.А.* Социально-философские аспекты гибридной войны. – СПб.: МВАА, 2019. – 134 с.

2. *Шагов А.Е.* К вопросу о феноменах гибридных войн: взгляд историка // Современная научная мысль. – 2022. – № 4. – С. 187–192.

3. *Юлдашев М.Д.* Отношение представителей основных религиозных течений к цифровизации религии / *М.Д. Юлдашев, А.И. Иванченко, О.А. Куликова* // Вестник ГГУ. – 2022. – № 11. – С. 214–221.

4. *Campbel H.* Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds. Routledge, 2013. – 272 p.

5. *Servais O.* Religieux et digital: Nouvelles conceptualization en moudes francophenes / *O. Servais, A. Douyere, A. Catellani* // Social compass. 2020. Volume 67.–URL:https://doi.org/10/1177/0037768629950212 (дата обращения: 30.11.2023).

6. *Нимяев Э. А.* Исследование «цифровой религии»: классификация религиозных онлайн-ресурсов // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 220–229.

7. *Tsuria R.* Digital Religion and Global Media: Flows, Communities and Radicalization / *R.Tsuria, A. Yadlin-Segal*. In: Ward, S.J.A. (eds) Handbook of Global Media Ethics. Springer, Cham, 2021. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-32103-5_10 (дата обращения: 10.11.2023).

8. *Evolvi, G.* Religion anf the internet: digital religion, (hiper)mediated spaces, and materiality // Religion Ges Polit. Springer. 2022. № 6. Pp. 9–25. – URL: https://doi.org/10.1007/s41682-021-00087-9 (дата обращения: 11.11.2023).

9. *Юрасов И. А.* Цифровой религиозный протест в провинциальных российских городах: религиозная идентичность и формы / *И.А. Юрасов, М.А. Танина, В.А. Юдина* // Религиоведение. – 2021. – № 2. – С. 110–118.

10. *Бартош А.А.* Прокси-война. – М.: Горячая линия – Телеком, 2023. – 256 с.

Информация об авторе

М.А. Савушкина – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 18.12.2023 : одобрена после рецензирования 27.03.2024 : принята к публикации 15.06.2024.